

* * *

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

К. Симонов *

Володя Казьмин

Среди защитников героической Брестской крепости были и дети. Володя Казьмин, воспитанник 44-го полка, тринадцатилетний горнист, — один из них... Рвутся мины, слышен треск автоматных очередей, от родной казармы остались одни руины, все товарищи погибли.

Он, Володя Казьмин, наверное, родился в рубашке. Он жив. Надо спешить: там, у Восточного фронта, сражается 44-й полк. Скорее раздобыть винтовку и тоже защищать родную крепость!.. Отчаянно бьются защитники крепости, забывая про сон, усталость, еду и жажду. Падает один солдат — на его место встаёт другой. Только бы устоять!

Тяжелораненых солдат, истекающих кровью, потерявших сознание, относили в госпиталь. Многим требовался лёд, а ледник далеко — под внутренним валом. Чтобы добраться туда, надо было преодолеть открытое, простреливаемое со всех сторон пространство!

Не каждому взрослому было под силу поднять тяжёлый мешок. Но Володя, не обращая внимания на боль в спине и ногах, снова и снова возвращался в госпиталь со льдом. Однажды, добравшись до госпиталя, Володя уронил мешок и рухнул на землю. Мальчика окружили врачи и санитары. Пощупав пульс, один из врачей улыбнулся — Володя крепко спал.

Проснувшись, Володя схватил мешок и вновь собрался к внутреннему валу.

— погоди, герой, — остановил мальчика главный врач. — Дая тебе отпуск — два часа...

* * *

У входа в подвал стоял невероятно худой, уже не имевший возраста человек. Он был без шапки, длинные седые волосы касались плеч. Кирпичная пыль въелась в перетянутый ремнём ватник, сквозь дыры на брюках виднелись голые, распухшие, покрытые давно засохшей кровью колени. Из разбитых, с отвалившимися головками сапог торчали чудовищно раздутые чёрные отмороженные пальцы. Он стоял, строго выпрямившись, высоко вскинув голову, и не отрываясь смотрел на солнце ослепшими глазами. И из этих немигающих, пристальных глаз неудержимо текли слёзы.

И все молчали. Молчали солдаты и офицеры, молчал генерал. Молчали бросившие работу женщины вдалеке, и охрана их тоже молчала, и все смотрели сейчас на эту фигуру, строгую и неподвижную, как памятник. Потом генерал что-то негромко сказал.

— Назовите ваше звание и фамилию, — переревел Свицкий.

— Я — русский солдат.

Он шёл строго и прямо, ничего не видя, но точно ориентируясь по звуку работавшего мотора. И все стояли на своих местах, и он шёл один, с трудом переставляя распухшие, обмороженные ноги.

И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряжённо, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щёлкнув каблуками, чётко вскинули оружие «на караул». И немецкий генерал, чуть помедлив, поднёс руку к фуражке.

А он, качаясь, медленно шёл сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести. Но он не видел этих почестей, а если бы и видел, ему было бы уже всё равно. Он был выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти.

Страшно, в голос, как по покойнику, закричали, завывали бабы. Одна за другой они падали на колени в холодную апрельскую грязь. Рыдая, протягивали руки и кланялись до земли ему, последнему защитнику так и не покорившейся крепости.

Б. Васильев. * Из повести «В списках не значился»

